УДК 101.1:316

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК МЕГАТРЕНД В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ УГРОЗ МИРОПОРЯДКУ

С.В. Дементьева

Томский политехнический университет
E-mail: demen-svetlana@yandex.ru

Представлены основные философские подходы к интерпретации феномена толерантность, дано описание ключевых философских проблем, позиционированных на Всемирном Философском Конгрессе в Стамбуле, описана ситуация перехода основных социосистем и проблема поиска актуальности идентичности человека, нации, народа через ценность толерантности. Обозначена междисциплинарная исследовательская парадигма "мировых проблем", стоящих перед человечеством. Даны основные маркеры новых угроз миру и человеку в контексте: международного права, социальной философии, политологии, социологии. Обозначена роль современного философского знания в эпоху глобализации.

Последние десятилетие XX века объявлено под эгидой ООН десятилетием толерантности, а 1996 г. в рамках ЮНЕСКО провозглашен годом толерантности. Были организованы и проведены ряд авторитетных международных конференций, семинаров, симпозиумов посвященных доктринальному осмыслению толерантности на межгосударственном уровне. В России с 2000 г. открыта крупная Федеральная целевая программа Министерства Образования "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Российском обществе". Проблема разумного сосуществования людей, наций, государств в мультикультурном и полиэтничном мире требует обсуждения и выявления вектора диверсификации практически от всех современных гуманитарных наук, таких как философия, политология, социология, международное право. Найти ответ на вопрос о будущем миропорядке и условиях его стабильного обеспечения в методологических рамках одной науки представляется самонадеянным. Цель написания данной статьи заключается в исследовании ряда имеющихся методологических подходов к изучению толерантности, маркирование авторских интерпретаций феномена толерантность, высвечивание причин и параметров социального спроса на проблему и определение соразмерности научного предложения в рамках темы.

На первый взгляд идея толерантности кажется довольно проста, но в действительности исходит из жестких предпосылок и влечет пласт последствий. И связана она с рядом принципиальных философских вопросов, касающихся понимания человека, его идентичности, возможностей и границ познания и взаимопонимания. Актуальность дискуссий о толерантности обусловлена *во-первых* острой нетерпимостью, проявляющейся год от года все ярче в онтологии межиндивидуальных связей, в эскалации процессов глобализации с одной стороны и локальной принадлежности социумов с другой, в культурном многообразии и желании его унифицировать, подогнать под "демократичный и справедливый" стандарт, *во-вторых* в парадоксальных порой определениях толерантности, связанных тем не менее, с социокультурной идентичностью исследователей.

Юрген Хабермас в рассуждении о векторе развития правового регулятора отношений между акторами международного права отмечает, что проблема уже не в том, возможна ли вообще справедливость между нациями, а в том, является ли право подходящим средством для такого рода справедливости [1. С. 12]. Какова реальная роль современного международного права в регулировании связей между акторами, когда либеральная и глобальная сверхдержава подставляет свои собственные нравственные аргументы взамен международно-правовых процедур? Имеет ли право на жизнь проект конституционализации международных отношений? Рассматривая и сопоставляя кантовский и шмиттовский проекты справедливого общественного устройства, философ фиксирует реальную картину размывания международно-правовых механизмов урегулирования споров, и приходит к выводу, что малая эффективность ООН и ее неспособность продуктивно действовать не является достаточной причиной для отказа от исходных предпосылок кантовского проекта конституционного устройства миропорядка. Это правовой пласт заявленной проблемы определения толерантности через нормотворчество, и обязанности принятия национальными правительствами решений в соответствии не только духу, но и букве международного закона, в принципах которого мирное сосуществование наций, народов и государств, провозглашено высшим благом со времен Лиги Наций и зафиксировано в Пакте Бриана-Келлга от 1928 г.

В августе 2003 г. прошел Всемирный философский Конгресс, посвященный теме "Философия перед лицом мировых проблем". Представительный состав участников – более 1500 чел. из разных стан мира говорит о его действительной научно-практической ценности. На открытии мероприятия с приветственной речью к участникам выступила президент Конгресса и Международной Федерации Философских обществ Иоанна Кучуради, предложившая к обсуждению следующие задачи, стоящие перед человечеством в целом, и философией как наукой, вырабатывающей концептуальные подходы для их решения в частности:

– Переосмыслить понятие, содержание и идеи, лежащие в основе "мировых проблем", в контексте философской рефлексии. Так как некоторые идеи, направляющие практику второй половины XX века, привели к непрогнозируемым результатам, отличным от исходных намерений, именно потому, что по мнению И. Кучуради, они не были проанализированы философски.
– Обозначить роль философии в решении мировых проблем, как инструмента для концептуализации и определения методологии. Два рода проблем выделены в основных документах ЮНЕСКО: одни касаются определенных фактов – различных аспектов тех тупиковых ситуаций, в которых находится значительная часть человечества, невзирая на тот уровень цивилизованности, который уже достигнут: голод, нищета, высокий процент смертности от болезней, поддающихся лечению, неграмотность, существование экономической пропасти между Севером и Югом. Так, состояние трех богатейших людей планеты – американских бизнесменов Б. Гейтса, П. Алена, У. Баффита превышает валовой национальный продукт наименее развитых стран с населением 600 млн чел. [2. С. 31].
– Маркировать другие проблемы, которые относятся к категории чаяний, связанные с означенными выше фактами, и предполагают нахождение предвидимых путей выхода из тупиков. К этой категории мировых проблем относятся так называемые права третьего поколения: развитие, мир, права человека, демократизация. И. Кучуради предлагает факты подвергнуть объяснению, тогда как намечаемые пути для их решения нуждаются в глубоком эмпирическом обосновании.
– Установить, что в век стремительного развития науки и техники, глобализации мира и микро индивидуальных связей, пожалуй, самым важным для философа является правильная интерпретация и оценка ситуации, установление связей между данной, реальной, исторически-уникальной ситуацией и знанием о правах человека. По мнению участников Конгресса, именно недостаточное осознание того факта, что нынешняя ситуация в контексте мировых проблем и новых угроз миру, является результатом наших собственных заблуждений, принятых с намерением создать мир, "свободный от страха и нужды", привела в противоположность намерениям, к нарушению и умалению прав человека, народов и наций [3. С. 10].

Исследовательский интерес к проблемам насилия, воины и мира в современной философии был освещен в выступлении на Конгрессе А.А. Гусейновым, который последовательно развенчивал мифы о моральном оправдании насилия, прочно закрепляемые средствами массовой информации и политиками в памяти народов. Ученый справедливо отмечает, что не существует моральных аргументов в пользу насилия, и, тем не менее, насильственные акции всегда происходят под моральный аккомпанемент. И именно в связи с выше обозначенными подходами к позиционированию сущности мировых проблем, с безусловным признанием и оправданием насилия как эффективного метода достижения желаемого, остро встает вопрос о понимании толерантного бытия во всех сферах общественных взаимосвязей.

Еще задолго до Конгресса и проблем, им выделенных, В.А. Лекторский в статье "О толерантности, плюрализме и критицизме" последовательно обозначил актуальность определения и наполнения осмысленным содержанием понятия “толерантность”. Он привел четыре понимания – “толерантность” как:
– безразличие. Имеет либеральную политическую основу, с точки зрения которой проблемы всего общества более важны, нежели наличие разногласий между людьми;
– невозможность взаимопонимания. Если мы не можем понять другую культуру или поведение, мы не должны быть априори враждебны по отношению к ней;
– снисхождение к слабостям других;
– расширение собственного опыта и критический диалог [4. С. 46].

Практически каждый исследователь, пишущий о толерантности, задается следующим вопросом: чем может быть оправданна толерантность и в каких пределах она социально эффективна? В систему европейских ценностей как фундаментальная категория толерантность вошла в Новое время. В религиозной сфере она нашла выражение в принципах веротерпимости, религиозной свободы и свободы совести. В праве элементы толерантности получили установление в естественно-правовой доктрине еще у древнегреческих софистов и стоиков, в учении Аристотеля, в сочинениях средневековых теологов Фомы Аквинского и Аврелия Августина, в трактатах кантонистов эпохи Возрождения (Франсиско де Витория и Фр. Суарес), в работах первого по существу, протестантского юриста и родоначальника современного международного права Гуго Гроция. Гроций писал, "... мать естественного права есть сама природа человека, которая побуждала бы его стремиться ко взаимному общению, даже если бы не нуждались не в чем". Основатель международного права усматривал в естественном праве средство для установления толерантного миропорядка, когда политическая жизнь подчиняется неким сознательным правилам, обязывающим ее быть ответственной за свои действия перед народом [5. С. 352].

Как некое качество реальных отношений толерантность присутствует в той или иной степени в любом жизнеспособном, нормально функционирующем обществе, так как именно такое общество способно противостоять факторам дезинтеграции не только силой. Такого рода сообщества ("соседская община", "религиозное братство" по Максу Веберу) культивирует в обществе следующие ценно-

стные ориентации: готовность придти на помощь, доброжелательность и т.д. Не будем забывать об историческом опыте, отложившемся в национальных традициях и нравах, в различных моделях поведения, включенных в реальную систему отношений между людьми. Однако в традиционном обществе интеграция внутри группы предполагает дезинтеграцию во вне, где враждебный образ "чужого" используется как средство сплочения "своих". В.И. Гараджа приходит к заключению, что идея толерантности выходит за рамки проблемы формирования толерантного сознания, и связывает ее с процессом формирования толерантного общества, которое создает эффективные средства противодействия религиозной вражде, обеспечивает условия гармоничного сосуществования различных культур, религиозных традиций, политический и мировоззренческий плюрализм [6. С. 21].

Тем не менее, в психологических, социологических и философских дефинициях толерантность не определяется как индифферентность. Толерантное отношение уже само по себе является признанием права на существование Другого и других. Толерантность может быть либо начальной позицией, "стартовой площадкой", либо – самим по себе ценимым, устраивающим участников и поддерживаемом ими типом отношений. В этом случае толерантность понимается в первом варианте классификации В.А Лекторского, как общепринятое безразличие к другому, как минимальное условие осуществления демократии, признающей на политико-нормативном уровнях многообразие интересов разных стран, народов и индивидов. Присущая монокультурам и недемократическим политическим системам нетерпимость в отношении "чужих" культур и политических систем при переходе к демократии и мультикультурализму должна быть преобразована не просто в терпимое отношение, а в открытость по отношению к другим странам, этносам, их культурам и особенностям. Однако существует серьезная опасность наделить свойством толерантности только демократические государства, с просперитас в экономико-финансовой сфере, эффективно питающей стабильность демократических институтов, защиту прав человека, и его свобод, уважение к человеческой личности, закрепленные еще во Всеобщей Декларации прав человека ООН от 1948 г. Прописанное в конституциях демократических государств и действующем в международном документе – Уставе ООН право на справедливое и мирное сосуществование различных народов приводит на практике к обоснованию моральных аргументов для применения силы к атолерантным правящим режимам. Действительно, ничто не могло сравниться с геноцидом, устроенным Садаммом Хуссейном в Курдистане в конце 80-х годов XX века: было уничтожено 4 тыс. курдских деревень, погибло более 100 тыс. чел. На город Халабджа были сброшены бомбы с нервно-паралитическим и горчичным газами, и моментально погибли 5 тыс. жителей, минимум втрое больше остались инвалидами. Попавшие впоследствие в руки курдов копии приказов иракских военноначальников об уничтожении в некоторых районах всех жителей мужского пола в возрасте от 15 до 70 лет напоминают документы нацистских эйнзатцкоманд [7. С. 88]. После избавления от гнета Багдада Иракский Курдистан достиг впечатляющих успехов в сфере экономики и государственного строительства. Военное вмешательство англо-американских войск в Ирак в 2003 г. происходило именно под эгидой защиты прав человека и исключительно с целью установления демократического государственного устройства в стране.

Последствия нарушения общепризнанных принципов и норм международного права, мира, философии международных отношений в этой конкретной исторической ситуации пока еще не осмыслены, однако очевидна малая эффективность внедрения принципов демократизма и толерантности силовыми, не толерантными методами, когда принципы "двойных стандартов" или "двойной моральной бухгалтерии" допустимы для тех, кто сильнее [8. С. 27]. А. Хеллер говоря о высокой моральности, подразумевает под ней порядочность современного человека. И когда наука заменяет религию в качестве доминирующего объяснения мира, поставщика истины, происходит грандиозная перемена, потому что в противоположность религиозной истине научная фальсифицируема и к тому же не претендует на авторитет в делах морали, на руководство людьми в отношении их морали или образа жизни [9. С. 32]. Тут уместно вспомнить мысль отечественного философа Павла Флоренского: "... когда научные понятия, сугубо символичные и, стало быть, конвенциональные по своей природе, начинают прямолинейно применяться к человеческой жизни, они, по определению, начинают терзать и насиловать эту жизнь" [10. С. 65].

С другой стороны, терпимость по отношению к фанатическим террористам, безжалостным убийцам невозможна и неоправданна. Н.Н. Федотова так определяет толерантность, поддерживая ее мирную конструктивную направленность и готовность к диалогу: это признание легитимности законных и не расходящихся с моралью интересов другого и открытость по отношению к его опыту, готовность к диалогу и к расширению собственного опыта в этом случае [11. С. 10]. Ссылка на легитимность и моральный аспект проблемы необходима, т.к. по данным социологических исследований толерантность в посткоммунистических странах оказывается выше к негативным, чем к позитивным проявлениям. Толерантность, это не палочка выручалочка современного мира, эту ценность как и любую другую ошибочно абсолютизировать и толковать расширительно. Р. Мертон, американский социолог, предложил следующий тезис: отклонение от нормы есть реакция на ненормальные условия. Дж. Дьюи [12. С. 135], американский философ и политолог, представитель комиссии по расследованию преступлений фашизма пришел к заключению, что фашизм возможен в любой стране,

где есть такие "ненормальные условия", как национальное унижение и социальная несправедливость. Таким образом, значение толерантности как ценности и как инструмента разрешения конфликтов и предотвращения насилия определяется нашей способностью не фетишизировать ее, а определить ее действительную ценность.

С.А. Смирнов исследуя бытие свободы и проблему идентичности в ситуации онтологического перехода, утверждает, что понимая не решаемость в принципе проблемы бытия человека, нет место морали в качестве фундамента для спасения человека от Освенцима [13. С. 72]. Так как проблема бытия человека онтологически открыта всегда. И никакие последние слова, заповеди, системы, законы не оградят человека и мир от сволочизма и беспредела [13. С. 72]. Сложно согласиться с такой пессимистической интерпретацией жизненных перспектив для индивида и общества в целом. Интересен научный эксперимент, проведенный популярным последователем и восстановителем Жака Лаккана, Славой Жижеком [14]. Он, вслед за Жаком Лаканом, поставил вопрос о том, что этика Канта равно повинна в концлагерях XX века, как и философия маркиза де Сада [13. С. 73]. С. Жижек пишет, "что существует незримая, но глубокая связь между кантианской этикой и хладнокровной манией убийства в Освенциме [14]. Эта связь заключается в тоталитарном характере ригоризма И. Канта, в абсолютности его моральных утверждений. Кантовский ригоризм – это такой же *Super Ego*, это садизм закона, который жестко насаждается сверху. Получается, что Кант – это скрытый садист, а маркиз де Сад – скрытый кантианец, делает инверсию Ж. Лакан [14]. Выход из выше обрисованной ситуации исследователь видит в освоении свободы как полного и действительного бытия. Причем автор ссылается на Р. Декарта [15], "который в поисках доказательства бытия Бога силой чистой мысли, в своей четвертой "Медитации" пришел к необходимости разведения познавательной способности и свободы выбора, которая зависит от свободы воли. Чем они отличаются? Познавательная способность способна расширять свои границы познанного мира. Но эти границы будут всегда. Познавательная способность всегда предельна и несовершенна. Она всегда зависит от средств познания, от его орудий, от границ опыта. Наше познание всегда неполно и несовершенно. А свобода воли, хоть и не так совершенна, как божественная, но по сопричастности Богу, по формальным признакам, эта воля устроена во мне, так же как и у Бога. Я волен выбирать или нет, поступать или нет, принимать или не принимать. Я волеизъявляю не по внешнему признаку, а свободно. И по этой причине я, будучи наделен свободой воли, причастен к Богу, точнее признаю его бытие, и чем полнее это бытие, чем более Благости божественной, тем свободней я, тем естественней мой выбор. А выбор лежит в пространстве предпочтений между совершенством и несовершенством бытия. Чем более я не совершенен, тем труднее мне делать выбор, тем более я не свободен. Но по-своему принципу свобода беспредельна в отличие от познавательной способности, которая всегда предельна. Воля беспредельна, а потому божественна. А вектор направления этой свободы воли задает естественный свет разума, свет идеи совершенного бытия, то есть Бога" [12. С. 59].

Проблема толерантной идентичности человека в контексте означенных выше вызовов, угроз и констатаций определяется у С.А. Смирнова [13. С. 72] как эпоха нового Возрождения, обостряющего перехода, где для нахождения новой, глобальной идентичности необходимо найти новые смыслы, образцы, новые практики. Он дает интересное определение человека периода перехода через следующие типы:

1. Человек-челенджер (*challenger*) это фигура, обеспечивающая ситуацию принятия вызова, готовая принимать культурные вызовы эпохи;
2. Человек-чойсер (*choicer*) это фигура, выстраивающая ситуации выбора и выхода из этих ситуаций;
3. Человек-сетевик или *networker* это фигура, выстраивающая представления о сетях-лабиринтах, понимающая их природу;
4. Человек-навигатор, это фигура, которая разрабатывает средства передвижения по сетям, она обеспечивает событие перехода.

Если суммировать эти типы идентичности, мы получим человека на этапе перехода, перехода к свободе как бытия покоя и нахождения себя в мире зеркала. А толерантность в этом ключе – это "лишь инструмент адаптации в условиях смены или кризиса идентичности, способ приспособления к новой социальной среде" [13. С. 19]. Вот как образно описывает кризис идентичности современного социума эпохи перехода известный чешский писатель Милан Кундера: "... на первых страницах учебника экзистенциональной математики приводиться следующее уравнение: степень скорости прямо пропорциональна интенсивности забвения. Из этого уравнения можно вывести различные следствия, например такое: наша эпоха отдалась демону скорости и по этой причине, не в последнюю очередь, так легко позабыла самое себя. Но мне хотелось бы перевернуть это утверждение с ног на голову и сказать: нашу эпоху обуяла страсть к забвению, и, чтобы удовлетворить эту страсть, она отдалась демону скорости; она все убыстряет свой ход, ибо хочет внушить нам, что она устала от самой себя, опротивела самой себе, что она хочет задуть крохотный огонек памяти" [16. С. 119].

В заключение, фиксируя тенденцию активного философского дискурса, автор думает, что толерантность следует осмыслить по-новому, как непреходящую ценность мира и справедливости. Именно толерантность способна выступить дефиницией, сохраняющей, транслирующей и передающей социокультурную идентичность человека от исторической эпохи к новой эпохе перехода, от поколения к поколению, от себя внешнего к себе внутренне свободному. В этой связи автор полагает перспективным и в достаточной мере теоретически оправданным анализ онтологических оснований толерантности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас Ю. Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 12–19.
2. Рязанцев С. Миграционные тренды и международная безопасность // Международные процессы. – 2003. – № 3. – С. 30–44.
3. Кучуради И. Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 5–12.
4. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.
5. Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебное пособие. – М.: Гардарика, 2002. – 590 с.
6. Гараджа В.И. Толерантность и религиозная нетерпимость // Философские науки. – 2004. – № 3. – С. 18–32.
7. Мирский Г. Новый поворот в судьбе Ирака // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 8. – С. 89–96.
8. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное оправдание насилия? // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 19–27.
9. Хеллер А. Два столпа современной этики // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 27–37.
10. Рашковский Е.Б. Пласты нетерпимости: философские заметки // Вопросы философии. – 2003. – № 4. – С. 61–68.
11. Федотова Н.Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Философские науки. – 2004. – № 4. – С. 5–28.
12. Федотова В.Г. Глобализация и терроризм // Космополис. – 2003. – № 3(5). – С. 133–147.
13. Смирнов. С.А. Бытие свободы или проблема культурной идентичности в ситуации онтологического перехода // Вопросы философии. – 2004. – № 6. – С. 58–85.
14. Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара // www.antropologia.spbu.ru
15. Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. – М.: Мысль, 1989.
16. Кундера М. Неспешность. Подлинность: Романы. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 288 с.

УДК 378:37.035.3(571.1/5) (09)